

В. А. Мазиллов<https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>**Разработка концепции объяснения в психологии**

Работа выполнена при поддержке РФФИ грант 18-013-00137

В статье констатируется, что проблема объяснения имеет чрезвычайную важность для современной психологии. Отмечается несоразмерность значения проблемы объяснения в психологии и количества исследований, направленных на ее решение. Ценность объяснения признается практически всеми, тем не менее тиражируются устаревшие взгляды на проблему объяснения, что препятствует разворачиванию научных исследований и дальнейшему продвижению в разработке теории объяснения. Утверждается, что необходимо выявить стереотипы, мешающие построению современной концепции объяснения. Показано, что неудовлетворительное решение этих вопросов связано с ограниченным пониманием самого объяснения: оно трактуется исключительно как причинно-следственное, другие виды в методологических построениях практически не используются; в теории объяснения применяется конструкт «сознание», который рассматривается отдельно от конструкта «поведение»; неправомерно постулируется изоморфизм сознательных и физиологических процессов. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы наметить основные этапы разработки современной концепции объяснения в психологии. Формулируются положения, которые необходимо соблюсти для того, чтобы разработка современной концепции объяснения в психологии, отвечающей задачам сегодняшнего дня, стала возможной. Во-первых, необходимо включить объяснение в более широкий контекст, где представлены другие методологические концепты (например, в схему структуры психологического исследования). Во-вторых, необходимо признание множественности видов объяснения, нужно отказаться от монополии причинного объяснения. В-третьих, новая концепция объяснения потребует новой трактовки предмета психологии (модель, использованная Ж. Пиаже, представляется неудовлетворительной). В-четвертых, необходим отказ от концепции психофизического параллелизма, поскольку лежащее в основе положение об изоморфизме физиологических и психологических структур никак не обосновано. Заметим, что реально у Пиаже речь идет об изоморфизме логики и физиологии (на эту подмену мы уже обращали внимание). В-пятых, необходим перенос объяснения в структуру предмета. Использование понятия «совокупный предмет психологии» позволяет осуществить требование, сформулированное некогда Э. Шпрангером, согласно которому психическое должно объясняться посредством «psychologica – psychological».

Ключевые слова: психология, концепция, объяснение, наука, предмет, Ж. Пиаже, редукция, внутренний мир.

V. A. Mazilov**Development of the Explanation Concept in Psychology**

In the article it is noted that the problem of explanation is of extreme importance for modern psychology. The disproportion of the value of the explanation problem is noted in psychology and the number of researches directed to solve this problem. The value of explanation is recognized practically by everybody, nevertheless outdated views on the explanation problem are duplicated, that interferes expansion of the scientific research and further advance in development of the explanation theory. It is claimed that it is necessary to reveal the stereotypes preventing creation of the modern concept of explanation. It is shown that the unsatisfactory solution of these questions is connected with limited understanding of the explanation: it is treated only as cause to effect, other types in methodological constructions are not practically used; in the explanation theory the construct of consciousness is used which is considered separately from a construct of behavior; the isomorphism of conscious and physiological processes is postulated in a wrong way. The task of the present article consists in planning the main development stages of the modern concept of explanation in psychology. Thoughts are formulated, which need to be observed in order that development of the modern concept of explanation in the psychology corresponding to problems of today would be possible. Firstly, it is necessary to include explanation in wider context where other methodological concepts are presented (for example, in the scheme of the structure of a psychological research). Secondly, recognition of plurality of explanation types is necessary, it is necessary to refuse monopoly of a causal explanation. Thirdly, the new concept of explanation will demand a new interpretation of the psychology subject (the model used by J. Piaget seems to be unsatisfactory). Fourthly, the refusal from the concept of psychophysical overlapping is necessary as the cornerstone provision on isomorphism of physiological and psychological structures is not proved in any way. It should be noticed that in fact Piaget speaks about isomorphism of logic and physiology (we already paid attention to this substitution). Fifthly, it is necessary to transfer the explanation into the structure of the subject. Use of the concept of the psychology cumulative subject allows carrying out the requirement, formulated once by E. Spranger, according to whom mental should be explained by means of «psychologica - psychological».

Keywords: psychology, concept, explanation, science, subject, J. Piaget, reduction, inner world.

Как известно, объяснение – одна из важнейших функций науки. Совершенно очевидно, что категория «объяснение» представляет собой необходимый компонент в категориальной структуре любой научной дисциплины. Неоднократно приходилось писать про объяснение и его роль в структуре научной психологии [4–7]. В настоящее время не требуется специального обоснования актуальности и значимости изучения этой проблемы, так как абсолютно очевидно: то или иное решение проблемы объяснения, как неоднократно отмечалось, эквивалентно ключевому для психологии выбору: быть ей полноценной наукой или существовать в качестве специфического учения не вполне определенного статуса. Об этом писали практически все, кто затрагивал эту в высшей степени важную и сложную проблему. Постараемся обнаружить в этой вечной проблеме те аспекты, которые на данном этапе развития психологии наиболее значимы. Зафиксируем, что исследований, посвященных объяснению в психологии, чрезвычайно мало. Не будем в настоящей статье задаваться вопросом, почему так происходит. Нельзя исключить и того, что в данном случае мы сталкиваемся с совсем простым психологическим феноменом: об объяснении писали великие К. Гемпель и Ж. Пиаже – что к этому можно добавить? Иногда вообще возникает впечатление, что многие авторы считают проблему «закрытой». Во всяком случае мы смело можем констатировать несоразмерность важности проблемы объяснения в психологии и малого количества исследований, направленных на ее решение. Отметим, что ценность объяснения признается всеми. Еще Демокрит говорил, что отдал бы за одно причинное объяснение персидский престол. С тех пор ничего не изменилось.

Малочисленность исследований, как совершенно очевидно, не способствует решению этой проблемы, которая особенно важна для развития психологической науки на современном этапе. В литературе тиражируются устаревшие взгляды на проблему объяснения, что препятствует разрыванию научных исследований и дальнейшему продвижению в разработке теории объяснения.

Констатируем, что нерешенность проблемы объяснения проявляется на всех уровнях: на методологическом без решения проблемы объяснения не может быть представлена целостная концепция методологии психологической науки, на теоретическом – не ясно, какие схемы объяснения в современной психологии предпочтительнее, какие стратегии объяснения могут использоваться в ис-

следованиях, что можно противопоставить редукционистским моделям. Про эмпирический и практический уровни говорить излишне: до сих пор не существует в нашей психологии пособий, которые бы учили выбору наилучшей для данного исследования объяснительной схемы, оптимального сочетания объяснительных категорий, вида и типа объяснения. Все это отдается на откуп интуиции исследователя, надежды возлагаются на следование традиции, образцам из литературы или шаблонам мышления самого исследователя.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы, выявив некоторые стереотипы мышления, не позволяющие подойти к исследованию тех аспектов объяснения, которые представляются особенно важными в современной психологии, наметить основные условия для разработки современной концепции объяснения в психологии.

В предыдущих работах было показано [4, 7], что неудовлетворительное решение этих вопросов связано с ограниченным пониманием самого объяснения: оно трактуется исключительно как причинно-следственное, другие виды в методологических построениях практически не используются; в теории объяснения используется конструкт «сознание», который рассматривается отдельно от конструкта «поведение»; неправомерно постулируется изоморфизм сознательных и физиологических процессов. Было показано, что построить современную концепцию объяснения в психологии можно будет лишь тогда, когда будут преодолены эти стереотипы, а само понятие объяснение будет рассмотрено в более широком контексте структуры психологического исследования [4, 5].

Объяснение как методологическая проблема в отечественной психологической науке была поставлена, насколько можно судить, благодаря публикации перевода на русский язык известного классического руководства по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже, в котором содержалась глава «Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм», написанная Жаном Пиаже [9]. Как представляется, эта публикация не вызвала бурных дискуссий, но была принята в качестве основополагающей теории. При упоминании об объяснении происходит моментальная адресация к работе Пиаже, которая, по мысли пишущего, содержит решение проблемы. Заметим при этом, что пишущего не смущает то, что в этой работе классика постулируются психофизиологический параллелизм и изоморфизм, делается вывод о неизбежности редукции. Как известно, это радикально рас-

ходится с аксиомами отечественной методологии, но на это обычно не обращают никакого внимания. Отметим, что это, на наш взгляд, показатель недостаточно серьезного отношения к методологии, отсутствие внутренней убежденности в необходимости методологического анализа.

Насколько нам известно, одним из немногих отечественных авторов, анализировавших проблему объяснения в психологии и критиковавших позиции Ж. Пиаже, был М. С. Роговин, посвятивший этому вопросу две главы своей книги «Психологическое исследование» [11]. Как уже констатировалось выше, специальных исследований по проблеме объяснения в психологии до недавних пор в отечественной психологической науке практически не было. Здесь, видимо, сказались и недостаточное внимание психологов к этой проблеме, что отмечал М. С. Роговин, и отсутствие традиции рассмотрения этой проблемы в отечественной психологической науке. Отметим, что в зарубежной психологии проблеме объяснения посвящено значительное количество работ [19, 20, 21, 23, 24] и мн. др.

Еще раз отметим, что в современной психологической литературе именно работа Ж. Пиаже представляется фундаментальной, презентующей концепцию объяснения, разделяемую ныне многими исследователями. Не будем в рамках настоящей статьи подробно представлять и анализировать работу Пиаже, что потребовало бы существенного увеличения объема статьи. Эта работа хорошо известна.

Обратим внимание на то, что, по нашему мнению, она содержит существенные недостатки. Подробно они анализируются в другой работе (см. [4]). Здесь назовем лишь некоторые:

Пиаже анализирует объяснение в психологии «в чистом виде». В качестве модельного примера в его работе используется объяснение факта. Однако хорошо известно, что факт не является исходной точкой психологического исследования. В психологии факт чаще всего «вызывают» или на него «ссылаются» (П. Фресс). Проблема объяснения может быть адекватно решена в том случае, если она анализируется не изолированно, а включена в более широкий контекст, в который включен и факт. Тогда становится ясно, что факт методологически не «нейтрален», а вызван действиями исследователя. Реконструировать действия исследователя означает найти ключ к его пониманию факта (и его объяснению).

Пиаже в своем анализе объяснения не использует исторического подхода. Свой анализ Пиаже

строит на материале современной психологии, тех теорий, который оформились в психологии к середине двадцатого столетия. Как нам представляется, понять механизмы объяснения в области психологии можно только в том случае, если при разработке теории объяснения использовать опыт историко-методологических исследований, анализирующих способы объяснения, сложившиеся исторически.

Пиаже считает, что единственным способом объяснения является объяснение причинно-следственное. Надо заметить, он не одинок в своей симпатии к этому виду объяснения. Как будет показано далее, причинное объяснение – это простое объяснение. Таким образом, в качестве способа объяснения неизбежно предполагается редукция. Как свидетельствует работа Пиаже, в итоге именно так и оказывается – объяснение сводится к редукции, а формы его обусловлены используемым «субстратом».

Ж. Пиаже разрывает и противопоставляет сознание и поведение. В данном случае заметим, что еще С. Л. Рубинштейн в 1930-е годы убедительно показал, что такой разрыв пагубен и малоперспективен для психологии. Позиция Пиаже в этом вопросе представляется анахронизмом.

Жан Пиаже за предмет психологии в данном тексте принимает сознание. Конечно, интеллект как система скоординированных операций тесно связан с сознанием, так что его выбор понятен. Вопрос, однако, в другом: насколько этот выбор удачен. Прежде всего заметим, что сознание представляет собой не лучшую трактовку предмета психологии. Сознание, по всей видимости, – только часть реального предмета психологии. Не будем здесь обсуждать соотношение сознания и предсознания (по Фрейдю или по учению йогов). Разорвав сознание и поведение, определив сознание как содержание психологии и выведя его из сферы причинности, поведение «отписав» организму и в этой области сохранив причинность, Пиаже обрекает себя на обращение к психофизиологическому параллелизму. Ж. Пиаже, как и большинство авторов подобной ориентации, считает необходимым «допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой – сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной, а

представляет собой их простое соответствие, или, как обычно говорят, «параллелизм» [9, с. 188].

Короче говоря, предмет оказывается разорванным: большая его часть попадает в сознание, хотя какая-то часть все же остается в поведении. Как можно полагать, это самая главная недоработка Пиаже: не определив четко свое понимание предмета, Пиаже вернулся в традицию оппозиции «сознание» – «физиологические процессы».

В действительности из проведенного краткого рассмотрения основных положений теории Ж. Пиаже можно сделать следующий вывод. В современной психологии теория объяснения, разработанная Ж. Пиаже, не может быть принята в качестве основы. Анализ свидетельствует, что

– Говоря о сознании, Пиаже подменяет психологию логикой. В результате реально предмет психологии оказывается разорванным между «сознанием» и «поведением/деятельностью». Де факто Пиаже отождествляет его с сознанием.

– Пиаже отказывает сознанию в наличии в его сфере причинности, но это означает, в первую очередь, то, что к сознанию применимы другие виды объяснения, неизвестные (или не оцененные) Пиаже (например, представленные в указанной выше работе Р. Брауна).

Поскольку остро необходима рабочая концепция объяснения в психологии, психологическому сообществу необходимо предпринять актуальные усилия, направленные на разработку концепции объяснения, отвечающей задачам сегодняшнего дня. В качестве возможного первого шага в указанном направлении эскизно наметим некоторые действия, потенциально полезные для разработки такой концепции.

Прежде всего необходимо преодолеть выявленные недостатки традиционной трактовки объяснения.

Необходимо включить объяснение в более широкий контекст, такой, в котором представлены другие методологические концепты. Желательно это должна быть схема структуры психологического исследования.

Необходимо, разумеется, признание множественности видов объяснения, отказ от монополии причинного объяснения.

Новая концепция объяснения потребует новой трактовки предмета психологии, так как вариант Ж. Пиаже представляется неудовлетворительным.

Необходим отказ от концепции психофизического параллелизма. Положение об изоморфизме физиологических и психологических структур никак в его работе не обосновано. Заметим, что

реально у Пиаже речь идет об изоморфизме логики и физиологии (на эту подмену мы уже обращали внимание).

Необходим перенос объяснения в структуру предмета. Последнее, как представляется, требует хотя бы минимального комментария. Дело в том, что использование понятия «совокупный предмет психологии» позволяет осуществить требование, сформулированное некогда Э. Шпрангером, согласно которому психическое должно объясняться посредством «psychologica – psychological».

Остановимся на некоторых моментах представленного выше эскиза разработки будущей концепции объяснения в психологии более подробно.

Объяснение в структуре психологического исследования. Начнем с того, что объяснение необходимо рассматривать не изолированно, а включив его рассмотрение в более широкий контекст. Еще раз обратимся к цитированной нами выше работе Ж. Пиаже. Исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего «обнаружить законы». Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Обратим внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов исследования и их обусловленности «выносятся за скобки»: его как бы не существует. Между тем упомянутая глава об объяснении в психологии, написанная Ж. Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П. Фресс пронизательно замечает, что «научная деятельность – это в такой же степени дело мышления и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении» [14, с. 100]. Трудно не согласиться с приведенным выше высказыванием. Фактически, Фресс напоминает о необходимости контекста, о котором говорилось выше. По-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода – если мы хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения (и в значительной степени производного от него объяснения). Как нам представляется, включение проблемы объяснения в более широкий контекст позволяет лучше понять специфику объяснения в психологии. По нашему мнению, задать такой контекст может схема соотношения теории и метода в психологии [5].

Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоя-

тельной науки может быть представлено в виде схемы (рис. 1).

Рис. 1. Соотношение теории и метода в психологии

Остановимся лишь на некоторых результатах этого исследования в связи с проблемой объяснения. На наш взгляд, такое рассмотрение позволяет лучше понять происхождение объяснения в научном психологическом исследовании, проследить эволюцию форм объяснения на ранних этапах развития психологической науки. Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство его осуществления имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Предтеория – комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического или теоретического психологического исследования. Предтеория предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория представляет собой структурный инвариант. В структуре предтеории представлены: идея метода, базовая категория, моделирующие представления. Последние три компонента задают исследовательскую организующую схему.

Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения.

Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода. Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлено следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация

предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого начального периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что, кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит *реинтерпретация* посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит). В плане постановки проблемы объяснения важным является случай, когда начинает использоваться объяснительная категория, не совпадающая с базовой. Это можно считать первой формой собственно психологического объяснения.

В дальнейшем по мере развития психологии процедуры объяснения усложняются. В первую очередь происходит усовершенствование самих исследовательских схем. Психология довольно быстро проходит этап, когда используется одна базовая категория. Вначале используются аналитический структурный подход, затем функциональный. Функциональный имеет перед структурным явные преимущества в силу своей естественной целостности. Затем появляются процессуальный, генетический, уровневый. Довольно скоро обнаруживается, что можно использовать не одну базовую категорию, а их сочетание: структура и функция, функция и структура, структура и генезис и т. д.

Поскольку нас интересует, в первую очередь, объяснение, обратим внимание на то, что в качестве объясняющих категорий используются те же самые, что и входят в структуру организующей схемы: структура, функция, процесс, генезис и уровень. Как мы видели, на самых первых этапах

при объяснении используется та же категория, что и при исследовании, затем интерпретация может проводиться с помощью другой объясняющей категории, что можно считать первым вариантом собственно психологического объяснения.

На следующих этапах развития психологии практикуются усложненные объяснения. Они представляют собой использование не одной, а сочетания объясняющих категорий: структура и функция, функция и структура, структура и генезис и т. д.

Как пишет Е. П. Никитин, «в научной практике, как правило, даются сложные объяснения: комбинированные и смешанные» [8, с. 107]. Эту мысль комментирует в своей статье А. В. Юревич: «В психологии, как и в биологии, достаточно широкое распространение получили эволюционные объяснения, состоящие в указании на то, что то или иное свойство человеческой психики выполняет определенную приспособительную функцию, которая является продуктом эволюции, то есть объяснения, представляющие собой синтез генетического и функционального объяснения. Смещения – “миксты” – базовых видов объяснения могут порождать достаточно самостоятельные виды объяснения, такие, как, например, эволюционные объяснения, что увеличивает количество их основных типов.

Кроме того, психологические объяснения, как правило, имеют «скрытую часть», представленную «неявными» допущениями и т. п., вынесение которой за скобки способствует закреплению иллюзии, будто эти объяснения в большинстве случаев делают упор на что-то одно – интенции, диспозиции, эмпирические обобщения, функции и др.

Например, существование какого-либо психологического процесса объясняется через его функции, то есть дается функциональное объяснение. Для большинства психологов такое объяснение является самодостаточным, поскольку сразу же актуализирует дарвиновскую парадигму, согласно которой эволюция закрепляет то, что функционально полезно. Таким образом, за функциональным объяснением может стоять и генетическое объяснение, и эмпирическое обобщение, и даже соответствующая теория, но они как бы находятся в «скрытой области» этого объяснения, отсутствуя в нем самом и создавая для него необходимые точки опоры, без которых такое объяснение «зависло бы в воздухе» [18, с. 77].

Представляется чрезвычайно интересным и следующее замечание А. В. Юревича: «Подобную функцию “неявной опорной области” научных

психологических объяснений может выполнять и житейское психологическое знание. Например, психологические феномены могут объясняться тем, что “очевидно” для каждого, нередко “оставляя” процесс научного объяснения и делая его дальнейшее разворачивание “излишним”» (за чем объяснять очевидно?) [18, с. 77].

Хотелось бы сделать еще одно важное замечание по поводу перспектив использования уровней объяснений в психологии. В этом отношении отметим многолетние исследования М. С. Роговина и его последователей, посвященные структурно-уровневым исследованиям психики [10–13]. Г. В. Залевский резюмирует результаты реализации данного подхода следующим образом: «В результате проведенных исследований М. С. Роговина и его ученики, следуя таким мыслителям, как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н. А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности и поведения их структурно-уровневой организацией. ... Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, то есть направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании – испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и иную – уже динамическую (в нашей терминологии акциональную (от франц. action – ‘действие’; необходимо отличать акциональные уровневые структуры от уровней структур личности, хотя между ними есть и много общего) структуру соответствия самих действий идеализированной структуре целей и средств. Уровни этой акциональной структуры определены многими параметрами (адекватность цели, время, наличие или отсутствие ошибок, легкость выполнения, способ кодирования и т. д.). Следует отметить, что наличие акциональных уровней не очевидно, они являются результатом специально проведенного психологического анализа» [2, с. 43–44].

Обратим особенное внимание на то, что идеи структурно-уровневого подхода и наработки в области структурно-уровневого объяснения необходимо использовать при построении концепции объяснения в психологии.

В рамках нашего подхода, как можно было увидеть, виды объяснения выделяются в зависимости от использования тех или иных объясняющих категорий. Схема соотношения теории и ме-

тогда была приведена для иллюстрации того, что объяснение рассматривается в данном случае как сложный феномен: факты, подлежащие объяснению, добываются с помощью исследовательской организационной схемы, интерпретируются и объясняются с помощью объяснительной схемы, в которую входят объясняющие категории.

Вопрос о том, как соотносятся различные виды объяснения, в том числе и выделенные по иным основаниям, например, как в эмпирической классификации Брауна, в данной статье не обсуждается, так как это должно быть предметом специального исследования. Настоящая публикация является первой, в которой реализуется новый подход. Поэтому заметим также, что в данной статье не обсуждается роль моделирующих представлений в объяснении тех или иных фактов. Скажем только, что, как можно полагать, именно различия в моделирующих представлениях субъектов выступают в качестве главной причины неправильного понимания в структуре объяснения.

Новая трактовка предмета психологии. Второй пункт (из намеченных нами шагов по разработке подхода к построению концепции объяснения) мы уже затронули в предыдущем разделе. Понятно, что в развиваемом подходе предполагается множественность как видов, так и типов (и форм) объяснения. Как отмечалось выше, предстоит соотнести виды, выделенные по разным основаниям. Здесь же мы сосредоточимся на следующем, третьем, пункте, который действительно представляет собой сложность и достоин специального обсуждения.

Итак, трактовка предмета. Как мы видели, одна из сложностей, приведшая, в конечном счете, проект Ж. Пиаже к неудаче, состояла в том, что швейцарец разорвал предмет психологии, который частично попал в сознание (сферу, где не действует причинность), а частично представлен (как, очевидно, стоит полагать) в поведение, к которому понятие причинности применимо. Критику позиции Пиаже по этому вопросу см. подробно в нашей статье «Объяснение и понимание в научной психологии» [4].

Нам уже приходилось неоднократно писать, что, по нашему мнению, целесообразно рассматривать внутренний мир человека как предмет психологии [7, 15–16]. Была приведена соответствующая аргументация, показано, что понятие «внутренний мир» выполняет те функции, который должен выполнять предмет в структуре психологического знания и в структуре психологического исследования [7].

Было рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности [16]. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный, идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет *психе как целое*, который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера объяснять психическое через психическое становится реальным. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтейем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Поскольку достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией [15], можно ограничиться лишь несколькими характеристиками.

В данной статье скажем только, что, рассматривая предмет психологии подобным образом, получаем возможность преодолеть серьезные трудности в объяснении психики. Традиционное понимание предмета делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому. Традиционное понимание предмета как внутренне простое делает неизбежным использование именно причинно-следственного объяснения: сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Е. П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения так: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто «пассивное», «страдательное», произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а «со стороны», посредством указания другого, внешнего объекта.

Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта «извне», через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» [8, с. 88–89]. Таким образом, «активное функционирование объекта» в принципе не может быть раскрыто; не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» (что, кстати, является важнейшей задачей психологии). Отсюда становится понятным, что источник активности психики «обнаруживается» в физиологии, социологии, логике и проч. – в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему мнению, продуктивен тот подход, который видит источник активности психики в ней самой.

Кроме того, обратим внимание, что трактовка внутреннего мира как сложного образования создает возможности для использования разных видов объяснения.

Перенос объяснения в структуру предмета.

Последнее, как представляется, требует хотя бы минимального комментария. Дело в том, что использование понятия «совокупный предмет психологии» позволяет осуществить требование, сформулированное некогда Э. Шпрангером, согласно которому психическое должно объясняться через психическое: «psychologica – psychological». Представлена архитектура внутреннего мира и разработаны представления о том, как исследовать законы, феноменологию и механизмы внутреннего мира [15]. Внутренний мир, как мы уже отмечали, сложен. И вряд ли един. Понятно, что он включает составляющие, имеющие разное происхождение и различную обусловленность. Поэтому стоит быть готовым к тому, что в рамках единого внутреннего мира представлены разные механизмы. Вряд ли мы поймем ощущения без использования понятия «отражение». Но это никоим образом не означает, что вся остальная психическая жизнь тоже отражение. Вспомним, что уже Аристотель отмечал: «...мыслить – это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое» [1, с. 407]. Надо полагать, что и механизмы этих процессов различны. Вряд ли стоит распространять принцип отражения на все. Отражение,

несомненно, имеет место в области чувственного познания, создавая «чувственную ткань», но мы знаем, что уже на уровне восприятий сталкиваемся с заметным «обратным влиянием», когда внутренний мир фактически организует перцепцию. Совершенно очевидно, что в рамках внутреннего мира человека открываются широчайшие перспективы использования разных видов и форм нередуктивного объяснения. Обратим внимание на то, что в структуре внутреннего мира есть компоненты, на которые больше влияет «биология», но есть и те, которые более подвержены влиянию «социального». Открывается свобода для использования разных видов объяснения.

Отказ от психофизиологического параллелизма. Как мы видели в работе Ж. Пиаже, позиция психофизиологического параллелизма абсолютно неконструктивна. Причем неконструктивна она и в классическом поэлементном варианте, продукте девятнадцатого столетия, и в варианте целостном, соответствующем реалиям двадцатого столетия и созданном не без влияния физики. В последнем случае возрождается идея изоморфизма, которая была использована в гештальтпсихологии и в конечном счете себя также не оправдала.

Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектуру. Это естественный объект, представляющий собой систему. Исследование такого объекта представляет собой классический вариант системного подхода, точнее – содержательного системного подхода. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет. Известный советский психолог П. Я. Гальперин видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не под-

вергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [3, с. 3]. П. Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» [3, с. 3]. Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии.

На наш взгляд, в решении психофизиологической проблемы допускаются серьезные ошибки, а их сочетание делает проблему фатально неразрешимой.

– *Первая.* Предмет психологии понимается как простой. Удивительная традиция, которую можно проследить, по меньшей мере, начиная с XIII века с времен Фомы Аквинского: душа – простая сущность. Если психика или сознание понимаются как нечто простое. Кроме того, его вообще заменяют на единицу, клеточку, этот предмет представляющую. Полагается, что ее изучать легче. Как мы помним, это открывает только один путь – тупиковый. Предмет внутренне прост, следовательно объяснение привносится извне. Это редукция, о которой говорилось выше.

– *Вторая.* Декартовский дуализм, предполагающий разделение на тело и душу. Душа сознает, тело выступает источником активности. Мы видим, что это не так. Внутренний мир живой, он и источник активности тоже. Сознание само по себе не есть вся психика. Об этом уже говорилось

– *Третья.* Используется причинно-следственное объяснение. Это простое объяснение, о чем мы уже говорили. К самому сложному применять самое простое объяснение не очень дальновидно. Мы уже этого касались.

Подведем итог. Сочетание этих трех моментов делает психофизиологическую проблему неразрешимой. Описываемый в статье подход, при котором мир психических явлений обретает надежную нейробиологическую основу [16], как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удастся избежать редукционизма и физиологизма. Согласно В. Д. Шадрикову, в основании развития и функционирования внутреннего

мира человека лежит логика функциональных систем [15, 16].

Впрочем, обоснование этого положения представляет собой самостоятельную задачу, заслуживающую отдельной статьи.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1 [Текст] / Аристотель. – М. : Мысль, 1975. – 550 с.
2. Залевский, Г. В. Объяснение и понимание против «циклопной» психологии [Текст] / Г. В. Залевский // Методология и история психологии. 2008. – Том 3. – Выпуск 1. – С. 41–47.
3. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М. : МГУ, 1992. – 364 с.
4. Мазиллов, В. А. Объяснение и понимание в научной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский психологический вестник. – 2018. – № 1.
5. Мазиллов, В. А. Научная психология: проблема объяснения [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии : научный журнал. Т. 3. – Вып. 1, 2008. – С. 58–73.
6. Мазиллов, В. А. Методологические проблемы психологии: объяснение и редукционизм [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский психологический вестник. – Вып. 20. – М. ; Ярославль : Российское психологическое общество, 2007. – С. 15–20.
7. Мазиллов, В. А. Понимание. Объяснение. Творчество [Электронный ресурс] / В. А. Мазиллов // Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки : сб. статей / под ред. В. А. Мазилова. – Ижевск : ERGO, 2016. – С. 10–45.
8. Никитин, Е. П. Объяснение – функция науки. [Текст] / Е. П. Никитин. – М., 1970.
9. Пиаже, Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм [Текст] / Ж. Пиаже // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. – М. : Прогресс, 1966. – С. 157–194.
10. Роговин, М. С. Введение в психологию [Текст] / М. С. Роговин. – М. : Высшая школа, 1969. – 384 с.
11. Роговин, М. С. Психологическое исследование [Текст] / М. С. Роговин. – Ярославль : ЯрГУ, 1979. – 66 с.
12. Роговин, М. С. Структурно-уровневые теории в психологии [Текст] / М. С. Роговин. – Ярославль : ЯрГУ, 1977. – 80 с.
13. Роговин, М. С. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования [Текст] / М. С. Роговин, Г. В. Залевский. – Томск, 1988. – 234 с.
14. Фресс, П. Экспериментальный метод [Текст] / П. Фресс // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Вып. 1, 2. – М. : Прогресс, 1966. – С. 99–156.
15. Шадриков, В. Д., Мазиллов, В. А. Общая психология [Текст]: учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. – М. : Юрайт, 2015. – 411 с.
16. Шадриков, В. Д. Внутренний мир человека [Текст] / В. Д. Шадриков. – М., 2006. – 386 с.
17. Юревич, А. В. Объяснение в психологии [Текст] / А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2006. – № 1. – С. 97–106.
18. Юревич, А. В. Объяснение в психологии [Текст] / А. В. Юревич // Методология и история психологии. – 2008. – Том 3. – Выпуск 1. – С. 74–87.

19. Brown, R. Explanation in social science / R. Brown. – Chicago, 1963.

20. Cammins, R. The Nature of psychological Explanation / R. Cammins. – London, 1983.

21. Fodor, J. A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology / J. A. Fodor. – N. Y., 1968.

22. Hempel, C. G. Studies in the Logic of Explanation / C. G. Hempel, P. Oppenheim // Philosophy of Science. 1948. Vol. 15. № 2. P. 135–175.

23. Pongratz, L. J. Problemgeschichte der Psychologie / L. J. Pongratz. München, 1967.

24. Swart, H. A. P. Explanation in Psychology / H. A. P. Swart. Delft, 1985.

Reference List

1. Aristotel'. Sochinenija : v 4 t. – T. 1 = Compositions: in 4 volumes [Tekst] / Aristotel'. – M. : Mysl', 1975. – 550 s.

2. Zalevskij, G. V. Ob#jasnenie i ponimanie protiv «ciklopnov» psihologii = Explanation and understanding against «Cyclops» psychology [Tekst] / G. V. Zalevskij // Metodologija i istorija psihologii. 2008. – Tom 3. – Vypusk 1. – S. 41–47.

3. Istorija psihologii: period otkrytogo krizisa: Teksty = Psychology history: period of an open crisis: Texts [Tekst] / pod red. P. Ja. Gal'perina, A. N. Zhdan. – M. : MGU, 1992. – 364 s.

4. Mazilov, V. A. Ob#jasnenie i ponimanie v nauchnoj psihologii = Explanation and understanding in scientific psychology [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij psihologicheskij vestnik = Jaroslavl pedagogical bulletin. – 2018. – № 1.

5. Mazilov, V. A. Nauchnaja psihologija: problema ob#jasnenija = Scientific psychology: explanation problem [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii : nauchnyj zhurnal. T. 3 = Metodologiya i istorija psihologii: Scientific magazine. – Vyp. 1, 2008. – S. 58–73.

6. Mazilov, V. A. Metodologicheskie problemy psihologii: ob#jasnenie i redukcionizm = Methodological problems of psychology: explanation and reductionism [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij psihologicheskij vestnik = Jaroslavl pedagogical bulletin. – Vyp. 20. – M. ; Jaroslavl' : Rossijskoe psihologicheskoe obshhestvo, 2007. – S. 15–20.

7. Mazilov, V. A. Ponimanie. Ob#jasnenie. Tvorchestvo = Understanding. Explanation. Creativity [Elektronnyj resurs] / V. A. Mazilov // Vokrug «Sten i mostov»: razmyshlenija o metodologii psihologicheskoi nauki : sb. statej / pod red. V. A. Mazilova. – Izhevsk : ERGO, 2016. – S. 10–45.

8. Nikitin, E. P. Ob#jasnenie – funkcija nauki = Explanation is a function of science [Tekst] / E. P. Nikitin. – M., 1970.

9. Piazhe, Zh. Karakter ob#jasnenija v psihologii i psihofiziologicheskij parallelizm = Character of explanation in psychology and psychophysiological parallelism [Tekst] / Zh. Piazhe // Fress P., Piazhe Zh. Jeksperimental'naja psihologija. Vyp. 1, 2. – M. : Progress, 1966. – S. 157–194.

10. Rogovin, M. S. Vvedenie v psihologiju = Introduction to psychology [Tekst] / M. S. Rogovin. – M. : Vysshaja shkola, 1969. – 384 s.

11. Rogovin, M. S. Psihologicheskoe issledovanie = Psychological research [Tekst] / M. S. Rogovin. – Jaroslavl' : JarGU, 1979. – 66 s.

12. Rogovin, M. S. Strukturno-urovnevyje teorii v psihologii = Structural and level theories in psychology [Tekst] / M. S. Rogovin. – Jaroslavl' : JarGU, 1977. – 80 s.

13. Rogovin, M. S. Teoreticheskie osnovy psihologicheskogo i patopsihologicheskogo issledovanija = Theoretical bases of a psychological and pathopsychological research [Tekst] / M. S. Rogovin, G. V. Zalevskij. – Tomsk, 1988. – 234 s.

14. Fress, P. Jeksperimental'nyj metod = Experimental method [Tekst] / P. Fress // Jeksperimental'naja psihologija / red. P. Fress, Zh. Piazhe. – Vyp. 1, 2. – M. : Progress, 1966. – S. 99–156.

15. Shadrikov, V. D., Mazilov, V. A. Obshhaja psihologija = General psychology [Tekst] : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. – M. : Jurajt, 2015. – 411 s.

16. Shadrikov, V. D. Vnutrennij mir cheloveka = The inward man [Tekst] / V. D. Shadrikov. – M., 2006. – 386 s.

17. Jurevich, A. V. Ob#jasnenie v psihologii = Explanation in psychology [Tekst] / A. V. Jurevich // Psihologicheskij zhurnal. – 2006. – № 1. – S. 97–106.

18. Jurevich, A. V. Ob#jasnenie v psihologii = Explanation in psychology [Tekst] / A. V. Jurevich // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – Tom 3. – Vypusk 1. – S. 74–87.

19. Brown, R. Explanation in social science / R. Brown. – Chicago, 1963.

20. Cammins, R. The Nature of psychological Explanation / R. Cammins. – London, 1983.

21. Fodor, J. A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology / J. A. Fodor. – N. Y., 1968.

22. Hempel, C. G. Studies in the Logic of Explanation / C. G. Hempel, P. Oppenheim // Philosophy of Science. 1948. Vol. 15. № 2. R. 135–175.

23. Pongratz, L. J. Problemgeschichte der Psychologie / L. J. Pongratz. München, 1967.

24. Swart, H. A. P. Explanation in Psychology / H. A. P. Swart. Delft, 1985.